

ПУШКИН И КАЛАШНИКОВ

именем Ивана Тимофеевича Калашникова открываются первые страницы художественной прозы на сибирском материале. Это прекрасно создал и сам Калашников. В полемике с своими литературными критиками он подчеркивал свое первенство. «Я первый написал сибирский роман. Кому я мог подражать кроме формы?» *

Иван Тимофеевич был старше своего величайшего литературного современника А. С. Пушкина лишь на два года. Он родился в 1797 г., в семье иркутского уголовного делопроизводителя, Тимофея Петровича Калашникова. Двадцати пяти лет уехал из Иркутска, получив назначение советником тобольского губернского правления. Через год перевелся в Петербург, навсегда расставшись с любимой им Сибирью. В столице, поднимаясь по иерархической лестнице, дослужился он в 1859 г. до чина тайного советника и вышел в отставку.

Калашников полюбил литературу в стенах Иркутской гимназии. На родине же он начал заниматься и литературным трудом. Позже в Петербурге молодой автор совмещал должность чиновника с должностью учителя русской словесности в кадетском корпусе. Но, очевидно, жизнь петербургской николаевской столицы сильно тяготила его. Не имея возможности покинуть город и очутиться опять в Сибири, он давал полную волю своим мечтам, брался за перо

и писал о дорогом сердцу сибирском прошлом. В своем стихотворении «Когда усталый день последний луч погасит» Иван Тимофеевич выразил те чувства, которые вызывал в нем большой город и, идеализируемая им, родная Сибирь.

Когда усталый день последний луч погасит.
Заблещут звезды в вышине,
И грустные мечты столпяты надо мною
Тогда, беседуя с печальной луною
О благах прежних дней,
Смотрю я на сии гранитные громады,
Дворцы, чертоги, вертограды...
Но нет! Не говорят они с душой моей,
Не льют на сердце мне отрады,
И чужды для меня; я чужд для них!..
Душа моя летит в пределы мест родных,
Где все—и ветров завыванье,
И шум лесов, и горлицы взыванье,
И цвет знакомый облаков,
И темно средь пустынь катящиеся воды,
И горы дремлющих под тяжестью веков,
Все возвращает ей давно минувши годы,
Все дышет жизнью, везде язык без слов!
Везде минувшего я слышу призыванья!..

«Сибирь—моя родина, где я провел лучшие, или, по крайней мере, первые годы моей жизни; туда любит отлетать моя мечта в часы раздумья,—писал И. Т. Калашников в 1834 г. в предисловии к своей повести «Изгнанники»—ибо там живет воспоминание о времени, которое—каково-бы оно ни было, в сущности,—всегда драгоценно человеку, по природе своей любящему жить в минувшем, удаляться в беспечные годы молодости от забот и опыта лет возмужалых. Блуждая по родным, оставленным местам, задумчивая фантазия невольно воскрешает в них минувшие события и будит людей, давно сошедших со сцены сей жизни»...

«...Таким образом,—пишет Калашников в том же предисловии,—носясь мечтою в пределах Сибири, я должен был, по необходимости, писать ландшафты тамошней природы

и изображать тамошние нравы и обычаи: отсюда и родилось мое намерение: романы мои предать печати, дабы познакомить с Сибирью моих соотечественников или, по крайней мере, тех из них, которые не имеют ни охоты, ни времени заниматься сочинениями другого рода».

Эти первые литературные опыты получили высокую оценку со стороны Александра Сергеевича Пушкина.

«Ни одного из русских романов не прочитывал я с большим удовольствием. Камчадалка не ниже Вашего первого произведения». Так писал гениальный русский поэт и прозаик начинающему писателю, сибиряку Ивану Тимофеевичу Калашникову о его первых прозаических произведениях: «Дочь купца Жолобова. Роман, извлеченный из иркутских преданий 1831 г.» и «Камчадалка», 1833 г.

Исторические романы И. Т. Калашникова давали Пушкину новый богатейший географический, этнографический, бытовой и исторический материал, значительно расширили представления Пушкина о Сибири, знакомили с краем, в котором не раз уносила мечта великого поэта, особенно с тех пор, как туда увели на каторгу, по воле царя-жандарма Николая Палкина, десятки его друзей, товарищей—участников восстания 14 декабря 1825 г.

Обилие интересных фактов о Сибири, сообщавшихся Калашниковым, признавали все рецензенты первого романа из сибирской жизни. На это указывал и неистовый Виссарион Белинский в своей рецензии на третье издание «Дочери купца Жолобова», отрицая художественное достоинство романа, но сохраняя за ним большое познавательное значение.

...«Гораздо лучше бы поступил г. Калашников, если бы, вместо плохого романа, составил что-нибудь вроде записок о Сибири... Смеем уверить г. Калашникова, что его книга имела-бы большой успех... Г. Калашников, как видно из его романа, хорошо знает Сибирь и любит ее. Описания его часто бывают увлекательны и живы: знак, что он мог бы написать хорошую книгу в том роде, о котором мы говорим».

Интересно отметить, что восприятие Пушкина романов Калашникова во многом перекликается с оценкой его друга В. К. Кюхельбекера. Последний в «Дневнике поселенца» оставил нам следующие замечания о «Дочери купца Жолобова» и «Камчадалке»:

«Акша. 1841. 3 мая.

Прожил я 8 дней в Вараханте, пользовался водами и сеял хлеб; кроме того, прочел я там романы: де Санглена «Клятва на Кробе», Зубкова «Астролог Карабахский», чей-то «Ужасный брак», да перечел «Дочь купца Жолобова». Лучший из всех последний; прочие—более или менее вздор.

7 мая.

В «Камчадалке» слишком пересолено: ужасам конца нет. Но все же этот роман не без достоинств. Мы, изгнанники, вдобавок, должны благодарить Калашникова, что он добром помянул наших несчастных предшественников Зуду и Ивашкина. При чтении этого романа несколько раз мелькала в уме моем мысль, что, быть может, через 50, через 100 лет, точно так помянет какой-нибудь даровитый романист о Кюхельбекерах, особенно о Михаиле.

Зуда и Ивашкин—лица, выведенные в повести «Камчадалка», русские среди камчадалов.

«Дневник В. К. Кюхельбекера». Предисловие Ю. И. Тынянова. Редакция, введение и примечание В. М. Орлова и С. И. Хмельницкого. Изд. «Прибой» 1929 г.

В своем романе «Дочь купца Жолобова» Калашников позначомил своего вдумчивого читателя А. С. Пушкина с Иркутском и Иркутской губернией XVIII ст.; с торговцами и предпринимателями, с беглыми каторжниками, с пиратством на Байкале, с особенностями самого Байкала, легендами «Священного моря», с байкальской природой; с бурятским народом и его обычаями, с шаманами и шаманскими заклинаниями; с судопроизводством в Сибири до Сперанского, с бытом и культурой различных классов старой Сибири, с историей завоевания края и мн. др.

Второй роман Калашникова «Камчадалка» по мысли его автора тесно примыкает к первому роману.

Роман «Камчадалка», если «не по происшествию», то «по местности своей, есть некоторым образом продолжение первого (романа): здесь и там,—указывал в главе «от сочинителя» Калашников,—действие происходит в Сибири, и таким образом, оба сии романа знакомят читателя с сибирскою природою и туземными обитателями».

В библиотеке Александра Сергеевича Пушкина, кроме двух указанных выше романов Калашникова, была и повесть его «Изгнанники» о купце Шалаурове, который «в 1762 году отправился из устья р. Колымы для отыскания пути в Восточный Океан». Автор повести снова давал читателю познавательный материал о новых местах Сибири. Книга открывалась словами: «И сию повесть мою, как и два прежние мои романа, издаю я с целию: знакомить моих читателей с Сибирью».

И. Т. Калашников пришел в литературу тогда, когда великий поэт Пушкин совершал свой медленный переход от стиха к прозе, когда постепенно наступала, предсказываемая поэтом, пора в его литературной деятельности.

... „Быть может, волею небес
Я перестану быть поэтом,
В меня вселится новый бес,
И, феговы презрев угрозы,
Унижусь до смиренной прозы:
Тогда роман на старый лад
Займет веселый мой закат.
Не муки тайные злодейства
Я грозно в нем изображу,
Но просто Вам перескажу
Преданья русского семейства,
Любви пленительные сны
Да нравы нашей старины“.
... „Лета к суровой прозе клонят,
Лета шальную рифму гонят“.

И в эти годы особенно было дорого Пушкину каждое новое прозаическое сочинение, ему пристально следившему за путями развития русской прозы.

Пушкин наблюдал за творческим ростом Калашникова,

интересовался, как воспринимает произведения сибиряка столичный читатель.

Это чуткое отношение прославленного гениального поэта к Калашникову, ободряло Ивана Тимофеевича, укрепляло сознание в правильности выбора своего литературного пути, в подходе к разрабатываемой теме, возбуждало желание к новой творческой работе. В ответ на нападки критиков, рецензентов о бессилии его художественного дарования, об отсутствии поэзии в его романах, Иван Тимофеевич Калашников взволнованно противопоставлял им высокую оценку своих произведений Пушкиным.

«Самым сильным опровержением означенных замечаний служат похвалы и одобрения от людей, которые не имели ни малейшей причины мне льстить, и которых доброе слово не может быть ни для кого не важно. Например: всякий раз я почти с благоговением внимаю, когда патриарх нашей словесности, муж и по уму, и по характеру, и по самой наружности, подобный мудрецам древности (я не смею именовать его) с величайшею доброотою и мудростью, или старается одобрительною хвалою поощрить к новому труду, или умными наставлениями желает направить перо мое к благой цели. Краткие минуты, проведенные с ним, будут всегда для меня драгоценны. Мне сообщен одним из первых наших литераторов отзыв, сделанный сим почтенным мужем о первом моем романе: «Дочь купца Жолобова», о котором он сказал, что ни одного русского романа не читал он с большим удовольствием».¹ Годом раньше, когда было высказано И. Т. в печати его благоговейное отношение к Пушкину— «к патриарху нашей словесности», без указания фамилии поднадзорного поэта, Калашников с глубокой признательностью писал в письме от 28 марта 1833 г. к Пушкину:

«Милостивый государь Александр Сергеевич!

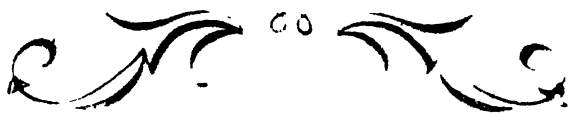
За все те приятные минуты в жизни, какими я наслаждался, читая Ваши превосходные творения, делающие честь

¹ Разрядка Калашникова.

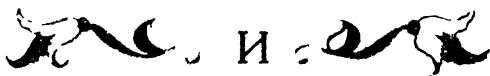
делу и нашей литературе, не имея возможности заплатить тем же, я решаюсь поднести слабые труды мои, и покорнейше просить Вас, принять их, по крайней мере, за знак глубокого моего уважения к Вам, которое навсегда сохранится в моей душе».

И в дни юбилейной даты роковой гибели Пушкина, изучая гигантское литературное наследие поэта, для нас важно подчеркнуть, что при изучении литературной традиции старой Сибири, мы никогда не сможем пройти мимо того знаменательного факта, что пушкинский гений первый высоко оценил всю важность создания художественной прозы на сибирском краеведном материале.

А. С. ПУШКИН

СИБИРЬ

МОСКВА 1937 ИРКУТСК
ВОСТСИБОБЛГИЗ